

Оригинальная статья / Original article

УДК 94/908

<https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-6-237-250>**Историческая память как ресурс консолидации общества:
проблемы и перспективы исследования****Л. В. Килимова¹✉, М. Д. Черкашин¹**

¹ Юго-Западный государственный университет
ул. 50 лет Октября, д. 94, г. Курск 305040, Российская Федерация

✉ e-mail: lyuda-klv@yandex.ru

Резюме

Актуальность. Выдвижение проблемы исторической памяти в реестр актуальных объектов социальной науки обусловлено преимущественно вызовами современности. Сегодня историческая память является фактором, определяющим характер коллективных представлений о прошлом, оценку нынешних событий и видение стратегии будущего развития общества. Исследовательское направление *memory studies* приобретает все большую популярность, что актуализирует ценность анализа механизмов формирования коллективной памяти и особенностей ее влияния на развертывание общественных отношений, процессов, ценностей.

Цель работы – обосновать механизм конструктивного влияния исторической памяти на консолидацию общества.

Задачи: проанализировать содержание категории «историческая память»; определить роль исторической памяти в укреплении социальной консолидации и идентичности в условиях глобальных изменений.

Методология. Методологической основой статьи являются: системный метод, позволяющий выявить функциональные особенности исторической памяти в современном российском обществе; анализ и синтез – для выявления сущности и специфики исторической памяти; метод теоретического обобщения – для подведения итогов исследования.

Результаты. Осуществлено теоретическое обоснование категории исторической памяти, ее места в структуре коллективной памяти, выделены механизмы ее формирования и факторы, способствующие процессам запоминания и забывания, на основе которых происходят социально-политические процессы формирования исторической памяти.

Выводы. Историческая память играет одну из ведущих ролей в процессе консолидации общества, обеспечивает его существование и функционирование, а также способность к коммуникациям. Осознание общего прошлого, сопричастность к нему творит эмпатию между членами общества, делает возможным существование государства, консолидирует к действиям ради будущего. Показано, что историческая память включает в себя не только достижения и победы, но и трагедии истории социума. Признание и осмысление коллективной травмы могут способствовать целостному восстановлению общества и предотвращению повторения ошибок прошлого.

Ключевые слова: консолидация; историческая память; социальная память; идентичность; культурная травма; историческое сознание; открытое общество.

Конфликт интересов: В представленной публикации отсутствует заимствованный материал без ссылок на автора и (или) источник заимствования, нет результатов научных работ, выполненных авторами публикации лично и (или) в соавторстве, без соответствующих ссылок. Авторы декларируют отсутствие конфликта интересов, связанных с публикацией данной статьи.

Для цитирования: Килимова Л. В., Черкашин М. Д. Историческая память как ресурс консолидации общества: проблемы и перспективы исследования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2024. Т. 14, № 6. С. 237–250. <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-6-237-250>

Поступила в редакцию 08.10.2024

Принята к публикации 07.11.2024

Опубликована 27.12.2024

Historical memory as a resource for consolidation of society: problems and prospects of research

Lyudmila V. Kilimova¹ ✉, Mikhail D. Cherkashin¹

¹ Southwest State University
50 Let Oktyabrya Str. 94, Kursk 305040, Russian Federation

✉ e-mail: lyuda-klv@yandex.ru

Abstract

Relevance. The advancement of the problem of historical memory to the register of topical objects of social science is mainly due to the challenges of modernity. Today, historical memory is a factor that determines the nature of collective ideas about the past, the assessment of current events and the vision of the strategy for the future development of society. The research direction of memory studies is becoming increasingly popular, which actualizes the value of analyzing the mechanisms of the formation of collective memory and the features of its influence on the development of social relations, processes, and values.

The purpose of the work is to substantiate the mechanism of constructive influence of historical memory on consolidation of society.

Objectives: to analyze the content of the category "historical memory"; to determine its role in strengthening social consolidation and identity in the context of global changes.

Methodology. The methodological basis of the article is: a systemic method that allows identifying the functional features of historical memory in modern Russian society; analysis and synthesis - to identify the essence and specificity of historical memory; theoretical generalization - to summarize the results of the study.

Results. The theoretical substantiation of the category of historical memory, its place in the structure of collective memory, the mechanisms of its formation and factors contributing to the processes of memorization and forgetting, on the basis of which the socio-political processes of the formation of historical memory occur, are carried out.

Conclusions. Historical memory plays one of the leading roles in the process of consolidation of society, ensures its existence and functioning, as well as the ability to communicate. Awareness of the common past, involvement in it creates empathy between members of society, makes the existence of the state possible, consolidates actions for the sake of the future. It is shown that historical memory includes not only achievements and victories, but also tragedies of the history of society. Recognition and understanding of collective trauma can contribute to the holistic restoration of society and the prevention of repetition of past mistakes.

Keywords: consolidation; historical memory; social memory; identity; cultural trauma; historical consciousness; open society.

Conflict of interest: In the presented publication there is no borrowed material without references to the author and (or) source of borrowing, there are no results of scientific works performed by the authors of the publication, personally and (or) in co-authorship, without relevant links. The authors declares no conflict of interest related to the publication of this article.

For citation: Kilimova L.V., Cherkashin M.D. Historical memory as a resource for consolidation of society: problems and prospects of research. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Menedzhment* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: Economics, Sociology and Management*. 2024;14(6):237–250. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2024-14-6-237-250>

Received 08.10.2024

Accepted 07.11.2024

Published 27.12.2024

Введение

Выдвижение проблемы исторической памяти как ресурса консолидации общества в реестр актуальных объектов социальной науки обусловлено преимущественно вызовами современности, сложностью современной социокультурной ситуации как в нашей стране, так и в мире в целом. Эта сложность в значительной

степени обусловлена пересмотром, а кое-где и коренным изломом существующего на протяжении длительного времени социального миропорядка. Реальная действительность со всей ее жесткостью, бескомпромиссностью и фантазмагоричностью теряет онтологический и экзистенциальный статус того, что М. Хайдеггер очертил понятием «дом бытия».

Сегодняшнее противостояние России и Запада, эскалация вооруженного противоборства перевели проблематику консолидации общества для российского государства и исторической памяти как ее духовно-нравственного ресурса с теоретической плоскости в конкретный практический вызов. О необходимости сохранения исторической памяти как неотвратимого реагирования на возникающие угрозы для государства неоднократно заявлял Президент России Владимир Путин [1].

Консолидация общества возникает как результат взаимодействия объективных и субъективных факторов. К первым относятся, прежде всего, объективные связи между разными элементами социальной структуры в процессе реализации их жизнедеятельности независимо от их желаний и субъективных целей, а часто – и вопреки им. Это такая связь между индивидами и социальными группами, к которой их никто силой не принуждает, однако они вынуждены в него вступать из-за объективной необходимости (например, взаимоотношения между вольнонаемными рабочими и работодателями, между производителями и потребителями и т. п.).

Такая взаимозависимость связывает людей между собой, однако в этом взаимодействии каждый субъект (индивид, семья, социальная группа, класс и т. п.) преследует свои собственные цели, ни в коей мере не заботясь о нуждах других, напротив, видя в них угрозу собственным интересам. Сограждане, властные институты, государство в целом рассматриваются в этой ситуации, с одной стороны, как средство удовлетворения индивидуальных или корпоративных потребностей, а с другой – как конкуренты и даже как враги. Понятно, что такие отношения в обществе не способствуют решению важных проблем, а значит, его конструктивному развитию, прогрессу.

Поэтому каждая страна всегда в той или иной степени пытается использовать субъективные факторы консолидации общества, запустить механизм целенаправленного единения всех звеньев общественной жизни и представляющих его элементов социальной структуры.

Субъективные факторы делятся на: а) внешние; б) внутренние. Внешние – это принудительное объединение, подчинение государством свободы разных субъектов общественной жизни единственной цели. Такая консолидация достигается двумя основными средствами – репрессивным и манипуляцией массовым сознанием (классической иллюстрацией такого объединения может быть «идейно-политическое единство советского народа» времен правления Коммунистической партии).

Принудительное сплочение нации при определенных исторических обстоятельствах бывает достаточно эффективно для решения отдельных масштабных общественных проблем, однако быстро исчерпывает свои конструктивные возможности, превращается в тормоз общественного развития, поскольку уничтожает индивидуальную и корпоративную инициативу, тотально подчиняя частные интересы граждан интересам государственного аппарата. Наиболее эффективной, значимой для общественной жизни является внутренняя консолидация всех его субъектов, которая происходит вследствие осознания гражданами общности своей исторической судьбы, своих жизненных интересов. Такое сознательное единение воли и действия представителей данного народа превращает его в целостный организм – нацию.

Отсюда нынешний «поворот к исторической памяти» обнадеживает уже тем, что область памяти стали рассматривать как поле междисциплинарного сотрудничества специалистов практически всех

социогуманитарных и многих естественных дисциплин. Наметился консенсус в понимании того, что процессы припоминания и забывания прямо или косвенно отражают социальные, политические, культурные, когнитивные, технологические сдвиги в каждом отдельном обществе и напрямую зависят от системных вызовов времени. Существует и понимание того, что проблемы символической репрезентации исторического наследия, в свою очередь, существенно влияют на социальную и политическую атмосферу, постоянно подпитывая дискуссии о природе, методах, познавательных возможностях социогуманитаристики и пределы «этики памяти».

Среди современных исследований исторической памяти можно выделить два направления: фундаментальное – теоретические исследования относительно сущности, структуры, механизмов формирования исторической памяти; прикладное – непосредственное исследование содержания коллективной памяти конкретного сообщества или эпохи, факторов, влияющих на это формирование. Оба направления исследований взаимосвязаны и взаимообусловлены. Из прикладных исследований четко выкристаллизовались два отдельных течения, посвященные изучению соответственно содержательного (места памяти) и функционального (мнемотехники) элементов памяти. Сегодня проблематика исследования коллективных форм памяти занимает одно из ведущих мест в мировой гуманитарной науке. Изучение ее прикладных аспектов является важной составляющей идентичности общества. Проблемы современного российского государства также определяют необходимость комплексного изучения этого феномена, что необходимо для понимания общественных процессов современной России.

Целью исследования является обособление механизма конструктивного влияния исторической памяти на консолидацию общества.

Задачи исследования: проанализировать содержание категории «историческая память»; определить роль исторической памяти в укреплении социальной консолидации и идентичности в условиях глобальных изменений.

Материалы и методы

Теоретической базой представленного материала стали: методологическое наработки западных ученых, которые определили концептуальное оформление теории исторической памяти (Я. Ассман, Ж. Ле Гофф, П. Нора, П. Рикер, Й. Рюзен, М. Хальбвакс, Ю. Г. Эксле и др.): философские рефлексии относительно феномена исторической памяти представителей российской науки, рассматривающих фундаментальный статус исторической памяти и ее роль в познании и реконструировании реалий прошлого (М. А. Барг, Ю. М. Лотман, Б. В. Марков, Т. В. Борисова, И. М. Савельева, А. П. Полесов и др.).

В работе применены: системный метод, позволяющий выявить функциональные особенности исторической памяти в современном российском обществе; анализ и синтез – для выявления сущности и специфики исторической памяти; метод теоретического обобщения – для подведения итогов исследования.

Результаты и их обсуждение

В современном научном дискурсе термины «коллективная», «историческая», «социальная», «национальная» память употребляются довольно часто. Отечественная гуманитаристика часто употребляет также термин «живая память», под которой понимается передача опыта между поколениями при непосредственной коммуникации, простирающейся

ся во временном разрезе на глубину не более 3-4 поколений. Неоднократно указанные термины используются только в качестве метафор – без четкого концептуального наполнения. Попробуем установить и объяснить отличия и структурные связи между этими категориями.

Решить проблему структурных связей в системе памяти пытался М. Хальбвакс. Он отделил внутреннюю личную память от внешней коллективной. Ученый говорил о «живых воспоминаниях», «живой традиции» [2, с. 237, 276], «живой истории» [2, с. 15-18], однако не использовал термин «живая память».

Категорию «живая» (коммуникативная) память активно использовал немецкий культуролог Я. Ассман. На основе теоретических достижений своего предшественника Я. Ассман выделил четыре внешние (социокультурные по своей природе) формы памяти: миметическая, предметная, коммуникативная и культурная [3, с. 19-21]. М. Хальбвакс уделял основное внимание формированию воспоминаний при непосредственных контактах, ограничивая их формирование социальными рамками. Однако он скептически относился к их внешним культурным проявлениям. Немецкий ученый акцентировал внимание именно на культурной памяти, которая почти не претерпевает изменений и способна сохранять так называемое «абсолютное прошлое».

Временная дифференциация коллективной памяти позволила Я. Ассману охарактеризовать особенности коллективных представлений в культурах Древнего мира. Однако использование временной структуры организации коллективной памяти (коммуникативная → культурная) малопродуктивно для исследования памяти в контексте современности. В нескольких аспектах выявляется ограниченность такой модели памяти. С одной стороны, соответствующий подход

в большей степени отражает западные реалии функционирования коллективной памяти, где оценки событий позапрошлых веков остаются относительно устойчивыми, не подвергаясь полярным колебаниям в массовом сознании. С другой – на постсоветском пространстве существует значительная политизация прошлого – реальность, с которой нельзя не считаться. Постоянное использование «истории» в качестве инструмента политики как раньше, так и ныне продолжает определять векторы «переоценки» прошлого, даже самого отдаленного.

Неоднозначна условная глубина «живой» памяти. Не каждый молодой человек имеет возможность услышать о прошлом от непосредственных очевидцев / участников событий – третьего-четвертого поколения. Вместо этого общеизвестно, что жители Кавказа, Среднего и Ближнего Востока хранят память до десяти поколений.

Не следует абсолютизировать возможности «живых» воспоминаний в воспроизведении реальной картины прошлого. Одним из неотъемлемых процессов памяти наряду с сохранением и воспроизведением является забывание. Характерным является при этом склонность к сохранению событий, имеющих положительную эмоциональную окраску и забывание / вытеснение негативного, трагического опыта.

Кроме того, выявляется ограниченность предлагаемой Я. Ассманом структуры коллективной памяти из чисто научных подходов, так как наряду с категориями коллективная и культурная в научном дискурсе широко используются категории историческая, социальная (общественная), национальная память. Возникает необходимость определения их места в коллективной структуре.

Модель структуры коллективной памяти (коммуникативная + культурная)

можно рассматривать только как определенный идеал, к которому следует стремиться для достижения стабилизации хотя бы в трактовке событий позапрошлых веков истории социума. Однако ее не следует воспринимать как существующую в реальности, подобно тому, как описать демократическое общество европейского образца еще не означает построить его в другой стране. Недостатки такого подхода определяют необходимость пересмотра предлагаемого Я. Ассманом структуры памяти для поиска более универсальной и практической на основе реалий общественного развития и потребностей современной науки.

Мы не ставим целью проигнорировать результаты исследования выдающегося культуролога, однако следует отметить необходимость их критического восприятия. Так, Я. Ассман берет за основу дифференциации коллективной памяти каналы передачи сверхиндивидуального опыта: действие, предмет, язык, культура. Однако устанавливать на основе такого критерия временную (3–4 поколения – абсолютное прошлое) и качественную (изменчивость – стабильность) структуру организации памяти справедливо только для изучения древних сообществ, в которых коммуникации и доступ к информации имели ограниченный характер, а «владение» прошлым / традицией было сакрализованной монополией элиты. В то время как с процессом становления открытого общества произошла своеобразная секуляризация прошлого, развитие коммуникаций в Новое и особенно в Новейшее время привело к тому, что историческое знание приобрело массовый характер, расширились границы альтернативных трактовок, как результат фактически были стерты временные рамки «коммуникативной» и «культурной памяти». Процесс глобализации приводит к разрушению консерватизма памяти, который снабжал-

ся передачей опыта от поколения к поколению [4, с. 133].

Выделенные категориальные дихотомии отражают важные критерии характеристики памяти: носитель (индивид или социальная группа), механизм формирования (внутренний или внешний) и содержание (непосредственный передаваемый автобиографический опыт). Эти критерии соответствуют алгоритму «Субъект – Действие – Результат». Указанные категории отражают алгоритм функционирования любой системы, поэтому их можно рассматривать как базовые и в структуре коллективной памяти. Субъектом памяти может быть как социальная или этническая группа, так и общество или нация в целом, что и позволяет говорить о соответственно социальной, этнической, общественной и национальной памяти. Под «действием» понимаются конкретные исторические или политические практики, поэтому используют понятие историческая, реже – политическая память. Возможный «результат» сохраняется в традициях, коммеморативных практиках, местах памяти, т. е. носит характер культурной, ритуальной памяти.

Дискуссионным является вопрос о соотношении между коллективной (исторической) памятью и сознанием. К примеру, Ж. Тощенко характеризует суть исторической памяти как «сфокусированное особое образное сознание» [5, с. 4]. Однако отождествлять их неправомерно, учитывая достижения психологии, в которой память не является ни сознанием в целом, ни ее видом. Вместе с тем память и сознание как составляющие психики достаточно тесно интегрированы между собой. Если рассматривать память как психический процесс, она является одним из процессов, которыми характеризуется сознание, наряду с ощущениями, мышлением, вниманием, эмоциями и т. д. Если же подходить к памяти с позиций совокупности сохраненных образов, т. е.

через ее содержание, то в сознании как высшей форме отражения действительности в отдельный момент времени актуализируются или отображаются лишь отдельные образы из всего массива памяти.

Еще одна проблема возникает с определением категорий «мифологическая» и «религиозная» память. Сам М. Хальбвакс говорил о «религиозной коллективной памяти» [2, с. 219-264]. Очевидны существенные функциональные различия между памятью и мифологией и религией. Память как источник сохраненной информации носит характер нейтрального психического феномена, хотя и может дополняться эмоциями. В то же время для мифологии и религии эмоциональная и ценностная окрашенность являются неотъемлемыми атрибутами. Память может содержать информацию, носящую только познавательный характер и не имеющую практического значения, а мифология и религия направлены на актуальное восприятие действительности. В общем, мифология и религия являются формами мировоззрения, которые присущи не только архаическим обществам, но и современному обществу. Так, Кольев определяет современный политический миф как «особый миф, который хранит в коллективной памяти народа его социальный опыт, императивы духовно-нравственного измерения политических процессов» [6, с. 113]. В таком контексте А. Цуладзе рассматривает мифотворчество как процесс формирования политического сознания [7, с. 57]. Поэтому, вероятно, более целесообразно и обоснованно говорить о мифологической и религиозной формах сознания, чем памяти.

Итак, память одновременно является и психическим, и социокультурным феноменом. Как элемент человеческой психики память, в т. ч. историческая, рассматривается через совокупность процес-

сов запоминания, сохранения, воспроизведения и забывания. Ее социокультурные проявления стимулируют воспринимать ее в качестве результата этих процессов – содержания памяти. Поэтому комплексное исследование этого феномена требует учета как психического (механизмов), так и социокультурного (содержания) составляющих исторической памяти.

При этом следует обратить внимание на роль социальных представлений в формировании коллективной памяти. С. Московичи предположил, что на смену коллективным представлениям приходят социальные, которыми совместно пользуются члены общности и которые выступают основой их действий [8, с. 57]. Именно социальные представления, доминирующие в настоящем, влияют и на конструирование коллективной памяти. Наиболее значительный идентификационный потенциал, формирование веры в общность национального бытия – все это исполняет исторический нарратив как коллективное «конструирование истории» или собирание наследия. По словам Х. Ортеги-и-Гассета, общая проекция будущего вырастает из общего понимания прошлого и своего места между этим прошлым и будущим. Человек же сохраняет прошлое в себе, накапливает его, заставляет то, что уже прошло, продолжать существовать «в виде того, что уже было» [9, с. 82].

Коллективная память обусловлена состоянием и характеристиками социокультурной системы, которая образуется в результате взаимодействия культурной и социальной систем. Взаимозависимость между социальной системой и системой культуры, по мнению И. А. Исаеву, не исключает напряженности между ними, которая может вызвать кризисные ситуации. В конце концов, «в плюралистическом обществе его члены по-разному

воспринимают и толкуют те или иные ценности культуры и одни из них присваивают, другие модифицируют, третьи отвергают» [10, с. 56].

Чана Тигер, исследуя коллективные страхи и коллективную память, установила, что прошлое выступает ресурсом для индивидов для осознания окружающего мира и своего места в нем. Так, на примере жителей Южной Африки ей установлено, что индивиды могут выборочно использовать коллективную память для объяснения особенностей существующей современной ситуации, особенно в отношении конфликтов взаимодействия чернокожего и белокожего населения по вопросам преступности. Выявлено, что индивиды не только избирательно используют события прошлого, но также реконструируют и образ мышления и репрезентации прошлого для обоснования современного [11, р. 76].

Среди многих существующих проблем, которые являются дискуссионными, Я. Ассман уделяет внимание вопросам памяти, припоминания и забвения в контексте роста цифровых технологий, так как «ключевые метафоры письменности незаметно растворяются в знаках цифрового письма» [3, с. 145]. Цифровая трансформация вносит существенные коррективы в формирование исторической памяти. Вместо неразрывной культурной памяти, передающейся линейно через поколения, в обществе наблюдается ее фрагментация и децентрализация.

Результаты исследования социальных сетей и исторических знаний в Китае показали, что социальные сети являются мощным инструментом формирования социальной памяти и исторических знаний в Китае, позволяя появляться разным точкам зрения и альтернативным нарративам, а также отражают более глубокие политические и культурные противоречия. Это означает, что исторические повествования могут пересматриваться и

переосмысливаться с течением времени под влиянием текущих дискуссий в социальных сетях [12].

В этой связи возникает проблема об истинности исторического знания. В рамках постнеклассической научной парадигмы, получившей распространение в современной философии и эпистемологии, понятие об исторической истине вообще выносится «за скобки». Считается, что субъективизм исторических источников делает любое суждение одновременно и истинным, и ложным. Неогегельянец Р. Дж. Коллингвуд доказывает, что поскольку в каждой истине присутствует немалая доза «воображения историка», она по самой своей сути сконструирована [13, с. 227]. Неопрагматист Р. Рорти вообще предлагает отказаться от использования понятия «истина» в описании истории [14].

Примером коллективной памяти, играющей огромную роль в формировании национального самосознания, является национальная мифология. Национальная мифология помогает решить проблему самоидентификации, определить причастность человека к национальному сообществу. Идентификация личности с определенной нацией или этнической группой невозможна без обращения к мифам, символам этого сообщества, поскольку важна не сама территория, объединяющая этнос, а то символическое значение, которое она имеет для связанного с ней народа. По словам Н. Элиаса, «коллективы, продуцируемые националистическим этносом, построены так, что индивиды, которые их творят, у них – а точнее: в своих наполненных чувствами символах – могут видеть репрезентантами себя самих» [15, с. 147].

В условиях современного постмодернистского общества отмирание привычных, традиционных норм и канонов жизни, переход к новым, аморфным и непривычным человеческим взаимоотно-

ношениям порождают многочисленные литературные рефлексии, ставят художников перед необходимостью поиска объяснений содержания и смысла происходящих новаций. Парадокс состоит в том, что в постиндустриальном, информационном обществе растет потребность в обращении к мифам как к первоначальной истине. Национальные мифы становятся именно теми константами, которые побуждают человека к размышлению над своей сущностью и происхождением и позволяют чувствовать свою причастность к нации. Национальные мифы выполняют функцию объединения, создания общей коллективной памяти. Память о своих истоках, несомненно, чрезвычайно важна для экзистенциального утверждения человека. Именно миф позволяет человеку вернуться к своим корням, приобщиться к традициям и ритуалам собственной культуры. Мифы, воспроизводя события происхождения мира, человека, важнейших явлений природы, позволяют пережить их снова и приобщиться к важнейшим тайнам мироздания. Коллективная память выражается, согласно теории П. Нора, в «местах памяти». Она порождается той социальной группой, которую она объединяет, сплавливает, в данном случае речь идет о национальном сообществе. Память укоренена в конкретном, в пространстве, жесте, образе и объекте [16, с. 19].

Сегодня под влиянием «глобальной турбулентности», протекающей во всем мире, происходит прогрессирующая политизация исторического сознания. То, что сегодня вкладывается в понятие «историческая политика», является своеобразной синтетически-имиджевой моделью самозащиты, которая включает в себя мощный заряд конфликтности и существенно трансформирует научные дискурсы.

В широком смысле конструирование политики памяти является политическим процессом с выразительными признаками целеполагания и артикулированных мотиваций. Главным содержанием его является создание максимально приближенного к реальности образа прошлого – как действенного инструмента влияния на общественное сознание. «Работа памяти» – своеобразная социокультурная компенсация, помогающая социуму и индивиду вырабатывать собственное осознанное отношение к прошлому, культурным и нравственным традициям народа и одновременно избегать травмирующего влияния повседневности. Естественно, что политика памяти является тем символическим ресурсом, широко используемым элитными слоями общества для воспитания патриотизма, национально-гражданской идентичности и толерантности. На каждом новом этапе исторического развития традиционная модель формирования исторической памяти претерпевает изменения и модификации, и на этот процесс в равной степени влияют как тенденции развития исторической науки, так и политические и другие вызовы настоящего.

Процесс формирования коллективной памяти можно представить посредством непрерывного наполнения своеобразных риторических резервуаров, в которых одновременно происходит структурирование прошлого в определенной ценностной ретроспективе. Понятно, что в этих резервуарах, прежде всего, оказываются те сюжеты, которые способны оказывать эмоциональное влияние на сознание человека.

Прошрое, мыслящееся, ощущаемое и переживаемое – все это обуславливает наше отношение к наследию. Историческое мышление формирует наши ценностные ориентации, указывает на то, что мы больше всего чтим, к чему относимся

равнодушно и чего стремимся избегать. В конце концов, каждый индивид экстраполирует полученную информацию на себя, осмысливает ее в соответствии с опытом собственной семьи. История, остроумно замечал В. Ключевский, «учит даже тех, кто у нее не учится; она их проучает за невежество и пренебрежение» [17, с. 266].

Прошлое проходит в общественном сознании как продукт интерпретаций, но созданные человеческим воображением модели и образы живут своей жизнью, и продолжительность последнего напрямую зависит от того, насколько эти модели отвечают запросам современности.

Различные социумы довольно часто сталкиваются с последствиями прошлого, которые проявляются не только в виде индивидуальных психологических травм, но и в виде глубоко укоренившихся коллективных проблем. В науке даже сформировалось отдельное направление исследований – *trauma studies* – для анализа феномена культурной травмы. Сегодня растущая важность памяти связана как с развитием информационных технологий, так и с включением посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) в 1980 г. в качестве признанной медицинской диагностической классификации. После того как ПТСР было принято как синдром, оно подтвердило не только права на пенсии, медицинскую помощь и общественное сочувствие, но и на увековечение травматических воспоминаний [18].

В травмированных социумах образам прошлого принадлежит роль своеобразных защитно-компенсаторных механизмов. Их психотерапевтическое действие определяется способностью исполнять роль инструмента адаптации к сложным реалиям бытия. Выстраивая упрощенные, понятные современникам образы прошлого, интерпретаторы либо снимают с их совести бремя коллективных проступ-

ков, либо освобождают от персональной ответственности за очертания будущего, отводя негативную энергию в сторону воображаемого «врага». И в том и в другом случае ожидаем если не процесс коллективного самоочищения, то, во всяком случае, акт взаимопонимания или прощения. Актуализированное таким образом прошлое способно снимать напряжение в обществе, но невзвешенные модели могут давать и обратный эффект.

Народы, как и люди, по-разному спасаются от травмирующих воспоминаний. В самом механизме памяти генетически заложен механизм «забывания» – таким образом минимизируются неизбежные при воспоминании травм желания реванша и мести. Постоянно ощущая на себе бремя прошлого, социум рискует надолго оказаться в плену мифотворчества. Следовательно, проблема оптимизации политики памяти в конечном счете замыкается на проблеме этики памяти и забывания. «Этика памяти» особенно нужна поляризованному социуму, потому что память может уменьшать, а может увеличивать степень поляризации. Здесь уместно вспомнить рассуждения П. Рикера о забывании как резерве и «ресурсе для памяти и истории» и о прощении как «образе примиренной памяти». На первый взгляд, считает он, сама память имеет вид борьбы против забвения. Но в использовании человеческой памяти всегда нужна умеренность: ничего слишком. Забвение не является действительно врагом памяти, и последняя должна заключить соглашение с забвением, чтобы найти меру своего равновесия с ним. Несмотря на удручающую полисемию слова «забвение», память без этого понятия – это сплошной плод воображения [19, с. 401, 573–574].

С моральной точки зрения проблема забвения отнюдь не безупречна, так как тесно связана с ней проблема вины, прощения, понимания. Кто не хочет вспоми-

нать прошлое, замечал М. Хайдеггер, обращен на то, чтобы сначала его придумать. В общественной психологии существуют понятие межпоколенческой передачи травматических стрессов и посттравматических синдромов. Так же как чрезмерное педалирование страданий влечет комплекс адаптации к ним, так и их умолчание оборачивается общественной амнезией. А функцию «профилактической вакцины» в этом процессе выполняет гражданское образование, воспитывающее способность соотносить причины и последствия. Когда общество проявляет постоянную заботу о его уровне, «забывание как политика может служить интеграции, солидарности, сплочению благих целей» [20, с. 13-23].

Как констатирует французский историк Ж. Нуарель, СМИ постоянно подпитывают конфликты по поводу памяти. «Мощность средств массовой коммуникации создает условия, при которых в центре внимания оказывается история-память, которая вытесняет историю-науку. В таком мире нет места для понимания или объяснения прошлого» [21, с. 101]. Специфика коммерциализированных средств массовой информации – в постоянном подогреве интереса к «тайнам», «преступлениям», конспирологии. В таком виде трагические страницы возрождаемого прошлого приобретают сенсационную окраску, часто с явными признаками гиперболизации. В конечном счете это приводит к «утилизации памяти» и мощному вбросу в социум негативной социальной энергии. Задачи критической саморефлексии подменяются опасной для политического здоровья социума манией «разоблачения» и постоянного поиска врагов. Поэтому очень важно позаботиться об общей тональности политики памяти. Каждое событие, даже трагическое, можно представить в ключе «преодоленной трагедии». Все, что про-

шло, должно убеждать: сильный человек и здоровый социум способны выйти непоколебимыми из любой ситуации.

Выводы

В научном направлении Memory Studies можно обобщить и выделить два главных подхода к феномену исторической памяти. Первый очерчивает ее как реальность, которая всегда присуща обществу. История обуславливает то, какой будет эта память. Историю-память необходимо хранить и возрождать в случае забвения. Второй подход – понимание исторической памяти как социального конструкта (проекта): это постоянный процесс создания культурных значений, направленных на построение будущего даже больше, чем на воспроизведение прошлого.

Общественная роль исторической памяти в том ее виде, в котором она существует сегодня, не подлежит однозначным оценкам. С одной стороны, ретранслируемое знание об историческом опыте, оно является мощным интеллектуальным ресурсом консолидации общества, опорой его идентичности; с другой – фактор релятивизма, источник невзгод, поле спекуляций и манипуляций.

В условиях цифровизации общества происходит трансформация исторической памяти. Социальные сети охватывают широкий круг людей, которые вносят свой вклад в мнемонические практики. Это разнообразие обогащает дискурс, связанный с историческими знаниями и памятью, делая его более инклюзивным. Но в то же время историческая память становится более уязвимой для манипуляций и дезинформации. Поэтому важной задачей сегодняшнего образования является развитие критического мышления, способности анализировать информационный поток и отличать достоверные источники от сомнительных.

Список литературы

1. Путин призвал сохранять историческую память для своевременного реагирования на угрозы. URL: <https://ria.ru/20230118/pamyat-1845725875.html> (дата обращения: 21.09.2024).
2. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3. С. 22-26.
3. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Историческая память и российская идентичность / под ред. В. А. Тишкова, Е. А. Пивневой. М.: РАН, 2018. 508 с.
5. Тощенко Ж. Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14.
6. Кольев А. Миф масс и магия вождей. М.: Национальный институт развития, 1999. 432 с.
7. Цуладзе А. Политическая мифология. М.: Эксмо, 2003. 384 с.
8. Московичи С. От коллективных представлений к социальным // Вопросы социологии. 1992. Т. 1, № 2. С. 83-96.
9. Ортега-и-Гассет Х. История как система // Вопросы философии. 1996. № 6. С. 79-103.
10. Исаев И. А. Солидарность как воображаемое политико-правовое состояние. М.: Проспект, 2013. 176 с.
11. Teeger C. Collective memory and collective fear: How southafricans use the past to explain crime // Qualitative Sociology. 2014. N 37(1). P. 69-92.
12. Liu J. Who Speaks for the Past? Social Media, Social Memory, and the Production of Historical Knowledge in Contemporary China // International Journal of Communication. 2018. N 12. P. 1675-1695.
13. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. М.: Издательский дом: Наука, 1980. 488 с.
14. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов. URL: https://hrampm.org/userfiles/library/oldlibrary/%5Brorti%5D_ot_relighi_k_filosofii.htm (дата обращения: 15.09.2024).
15. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования: в 2 т. М.: Университетская книга, 2001. Т. 1. 382 с.
16. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 17-50.
17. Ключевский В.О. Письма, дневники, афоризмы и мысли об истории. М.: Наука, 1968. 524 с.
18. Yasseri T., Gildersleve P., David L. Collective Memory in the Digital Age / ed. by S. O'Mara. Amsterdam: Elsevier, 2022. 87 p.
19. Рикер П. Память, история, забвение. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 2004. 725 с.
20. Романовский Н. В. Новое в социологии – «бум памяти» // Социологические исследования. 2011. № 6. С. 13-23.

21. Тьесс А-М. Использование национальной истории в политических целях: на примере современной Франции // Социологический журнал. 2010. № 1. С. 92-103.

References

1. Putin called for preserving historical memory for timely response to threats. (In Russ.) Available at: <https://ria.ru/20230118/pamyat-1845725875.html> (accessed 21.09.2024).
2. Halbwachs M. Collective and historical memory. *Neprikosnovennyy zapas = An Inviolable Reserve*. 2005;(2-3):22-26. (In Russ.)
3. Assman J. Cultural Memory. Writing, Memory of the Past, and Political Identity in the High Cultures of Antiquity. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury; 2004. 368 p. (In Russ.)
4. Tishkov V.A., Pivneva E.A. (eds.) Historical memory and Russian identity. Moscow: RAN; 2018. 508 p. (In Russ.)
5. Toshchenko Zh. T. Historical consciousness and historical memory. Analysis of the current state. *Novaya i noveyshaya istoriya = New and Contemporary History*. 2000;(4):3-14. (In Russ.)
6. Koliev A. The Myth of the Masses and the Magic of Leaders. Moscow: Natsional'nyy institut razvitiya; 1999. 432 p. (In Russ.)
7. Tsuladze A. Political mythology. Moscow: Eksmo; 2003. 384 p. (In Russ.)
8. Moskvich S. From collective representations to social ones. *Voprosy sotsiologii = Questions of Sociology*. 1992;1(2):83-96. (In Russ.)
9. Ortega y Gasset H. History as a system. *Voprosy filosofii = Questions of Philosophy*. 1996;(6):79-103. (In Russ.)
10. Isaev I.A. Solidarity as an imaginary political and legal state. Moscow: Prospekt; 2013. 176 p. (In Russ.)
11. Teeger C. Collective memory and collective fear: How southafricans use the past to explain crime. *Qualitative Sociology*. 2014; 37(1):69-92.
12. Liu J. Who Speaks for the Past? Social Media, Social Memory, and the Production of Historical Knowledge in Contemporary China. *International Journal of Communication*. 2018;(12):1675-1695.
13. Collingwood R.J. The Idea of History. Autobiography. Moscow: Izdatel'skiy dom: Nauka; 1980. 488 p. (In Russ.)
14. Rorty R. From Religion through Philosophy to Literature: The Path of Western Intellectuals. (In Russ.) Available at: https://hrampm.org/userfiles/library/oldlibrary/%5Brorti%5D_ot_religii_k_filosofii.htm (accessed 15.09.2024).
15. Elias N. On the process of civilization. Sociogenetic and psychogenetic studies. Vol. 1. Moscow: Universitetskaya kniga; 2001. 382 p. (In Russ.)
16. Nora P. Problems of places of memory. France-memory. St. Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta; 1999. P. 17-50. (In Russ.)
17. Klyuchevsky V.O. Letters, diaries, aphorisms and thoughts about history. Moscow: Nauka; 1968. 524 p. (In Russ.)
18. Yasseri T., Gildersleve P., David L. Collective Memory in the Digital Age. Amsterdam: Elsevier; 2022. 87 p.

19. Ricoeur P. Memory, history, oblivion. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoi literatury; 2004. 725 p. (In Russ.)
20. Romanovsky N.V. New in sociology – «memory boom». *Sotsiologicheskiye issledovaniya = Sociological Research*. 2011;(6):13-23. (In Russ.)
21. Tiess A-M. The use of national history for political purposes: the example of modern France. *Sotsiologicheskii zhurnal = Sociological Journal*. 2010;(1):92-103. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the Authors

Килимова Людмила Викторовна, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: lyuda-klv@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8764-1641

Lyudmila V. Kilimova, Candidate of Sciences (Sociology), Head of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: lyuda-klv@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-8764-1641

Черкашин Михаил Дмитриевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Российская Федерация, e-mail: cherkashin07@mail.ru, ORCID 0000-0001-6972-2579

Mikhail D. Cherkashin, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Southwest State University, Kursk, Russian Federation, e-mail: cherkashin07@mail.ru, ORCID: 0000-0001-6972-2579